

ОЛЬРИДЖЪ И ШЕВЧЕНКО *).

(Страничка изъ прошлаго).

Они были разные, совѣмъ разные люди,—разныхъ странъ, разныхъ языковъ, разной вѣры, разной крови, разныхъ лицъ. Онъ былъ черный, съ шерстистыми, курчавыми волосами,—негръ-мулатъ, пріѣхавшій изъ Америки. Онъ былъ по-настоящему африканскій человѣкъ. Его отецъ былъ привезенъ въ Америку изъ родной Африки на невольническомъ суднѣ, какъ матеріалъ для работы на сахарныхъ плантаціяхъ, какъ рабочій скотъ, вмѣстѣ съ сотнями другихъ черныхъ африканскихъ тѣлъ, захваченныхъ на облавѣ, которую устраивали цивилизованные бѣлые народы на черныхъ африканскихъ людей, совершенно такъ же, какъ устраивается облава на оленей на сѣверѣ Сибири.

Его отецъ былъ мальчикомъ-невольникомъ, по сотни черныхъ африканскихъ людей знали и помнили, что мальчикъ—сынъ ихъ царька, старѣйшины ихъ рода, и когда пришло время становиться мальчику на работы на сахарныхъ плантаціяхъ, подъ плеть надсмотрщиковъ, африканскіе люди, уже обращенные въ американскую вѣру, выбрали юношу своимъ пасторомъ, чтобы освободить его, сына старѣйшины ихъ рода, отъ плетей и отъ рабьей работы.

Къ тому же, къ пасторству, миссіонерству предназначался и сынъ, молодой Ольриджъ. Разсказчица не знаетъ, проповѣдывалъ ли онъ слово Божіе, но она хорошо помнитъ, что разсказывалъ ей и отцу ея Ольриджъ. Его страстно потянуло къ театру, но такъ какъ въ тѣ времена, а быть можетъ, и сейчасъ на дверяхъ американскихъ театровъ былъ аншлакъ, что «собаки и негры въ театръ не допускаются», то онъ нанялся слугой къ какому-то актеру, чтобы только бывать въ театрѣ, чтобы хотя изъ-за кулисъ видѣть, что развертывается на сценѣ.

Всемирной знаменитостью, признаннымъ гениемъ пріѣхалъ онъ въ Россію. Встрѣчавшія его русскія аристократки цѣловали его черныя руки, онъ изобразилъ исторію Отелло не только на сценѣ, но и въ жизни,—англійская леди,

*) Ольриджъ былъ знаменитый трагикъ, по разсказамъ современниковъ, исполнявшій какъ никто трагическія шекспировскія роли, бывшій единственнымъ королемъ Лиромъ и Отелло. О встрѣчѣ ихъ я слышала отъ Ек. Оед. Юнге, известной художницы и писательницы, помѣщавшей свои воспоминанія въ «Вѣстникѣ Европы», въ домѣ отца которой, графа Ф. Толстого, вице-президента академіи художествъ, встрѣчались Ольриджъ и Шевченко.

дочь знатной семьи, противъ воли родителей, вышла за него замужъ, и сына оставилъ онъ въ Лондонѣ, предъ тѣмъ какъ прѣхать въ Россію.

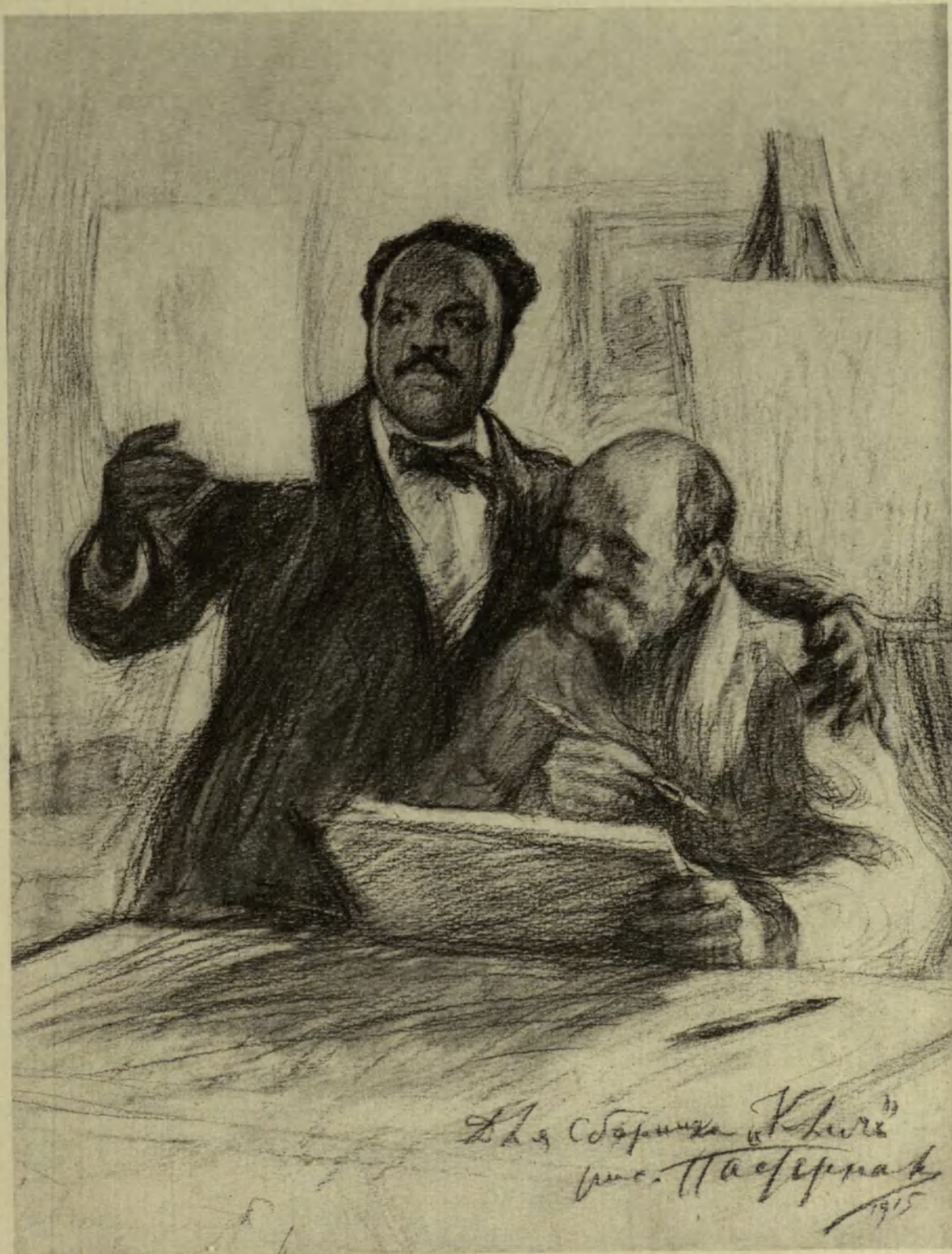
А другой, Шевченко, съ Украинской, круглой, какъ арбузъ, головой, съ старыми казацкими усами, унылыми усами. Онъ тоже изъ неволи вышелъ, изъ давней крѣпостной русской неволи, тоже украдкой пробирался къ своему художественному творчеству, учился тайкомъ, урывками рисовалъ, гдѣ попало и былъ битъ за то, что рисовалъ.

Въ то время онъ прѣхалъ съ противоположной стороны, съ Востока, изъ-за Каспия, изъ другой неволи, изъ злой николаевской солдатчины, прѣхалъ онъ— крупный художникъ, великій создатель малороссійскихъ думъ, можно сказать, малороссійской поэзии, чье величіе только недавно признано—и признано ли въ полной мѣрѣ современниками?—чья живопись и чья поэзия были разгромлены, раздавлены злой и жестокой русской жизнью николаевскихъ временъ.

И встрѣтились они двое у третьяго, у русскаго аристократа, графа Оедора Толстого. Тамъ встрѣтились, потому что онъ имъ былъ встрѣчный. Блестяще начавши свою военную карьеру, изъ аристократической и военной семьи, гдѣ тогда признавалась единственной приличной и достойной карьерой военная, гдѣ допускались и даже поощрялись отклоненія въ сторону искусства, поэзии и литературы, но только какъ отклоненія, какъ временныя экскурсіи, и гдѣ признавалось педостойнымъ и полупостыднымъ, чтобы искусство, поэзия и литература сдѣлались у человѣка изъ аристократической семьи всею жизнью, за которой ничего не остается у человѣка. Графъ Оедоръ Толстой взялъ искусство, какъ всю жизнь, какъ только одну жизнь для себя. И дочь его разеказывала миѣ, какой скапдалъ былъ въ семьѣ и въ смежныхъ кругахъ, когда ихъ графъ Толстой ушелъ изъ полка въ мастерскую.

Онъ сдѣлался мастеромъ, говорятъ, единственнымъ знатокомъ и тончайшимъ цѣнителемъ чистой античной красоты, говорятъ, величайшимъ художественнымъ граверомъ, какого знала до того времени Россія. Онъ не сдѣлался отщепенцемъ. Онъ не пересталъ быть графомъ, онъ былъ вице-президентомъ академіи художествъ, но душа его была уже раздѣленная, и большая часть души легла въ сторону людей художества, поэзии, литературы. И общество, собиравшееся у него, было одно изъ рѣдкихъ, собиравшихся тогда въ Петербургѣ,—общество людей, уходившихъ отъ обычной военно-служебной карьеры въ сторону искусства, поэзии и литературы. Съ тогдашней точки зрѣнія не вполне благонадежное общество, начиная съ близкаго друга дома, Костомарова, и кончая родственникомъ, Львомъ Толстымъ, тоже уже уходившимъ отъ порядочной карьеры, отъ мечты о флигель-адъютанствѣ въ сторону литературы.

А главное,—сердце, чудесное сердце графа Оедора Толстого легло къ людямъ, избиравшимъ эту карьеру даже подъ угрозой, николаевской угрозой бичами и скорпіонами, къ тѣмъ, которыхъ онъ считалъ своими людьми, родными людьми. Онъ первый возбудилъ ходатайство о возвращеніи Шевченко изъ пустынныхъ степныхъ батальоновъ, онъ, хотя ему разъ уже было отказано, не побоялся, несмотря на дружескія и серьезныя предостереженія объ опасности шага, подать новое прошеніе во время коронаціи все о томъ же вредномъ Шевченко. Только благодаря Толстому и не погибъ Шевченко въ закаспійской пустынѣ, только благодаря ему возвращенъ онъ былъ въ Петербургъ и, хотя размятый и униженный, все же передъ смертью увидѣлъ кусочекъ радости жизни

Л. О. Пастернакъ.
Ольридъ и Шевченко.

и великую радость художника и писателя—почувствовать признание себя тѣми, для кого онъ творилъ.

Къ графу Оедору Толстому и прѣхалъ прямо изъ Нижняго-Новгорода Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, и Еж. Ф. Юнге рассказывала миѣ великую, трогательную радость ихъ семьи, когда они дождались Шевченко.

Въ ихъ же домъ съ другой стороны прѣхалъ другой великій человекъ, Ольриджъ. И между ними переводчицей и связующей душой была старшая, четырнадцатилѣтняя дочка графа Оедора Толстого, безъ которой не могли имѣть смысла свиданія Ольриджа и Шевченко, не понимавшихъ другъ друга, и которая такъ художественно и съ такой нѣжной памятью о томъ и другомъ рассказывала миѣ объ этихъ свиданіяхъ.

Шевченко приходилъ раньше. Онъ рисовалъ тогда портретъ Ольриджа и аккуратно раскладывалъ папку, чинилъ карандаши, устранялъ оевѣщеніе и бесѣдовалъ съ своей прятельницей, четырнадцатилѣтней дѣвочкой, неизмѣнно въ эти часы сидѣвшей на диванѣ въ ожиданіи дорогого гостя.

Ольриджъ всегда опаздывалъ и врывался бурно, торопливо сбрасывалъ съ себя плащъ и еще въ передней спрашивалъ лакея: «здѣсь артиста?» Такъ называлъ онъ Шевченко.

«Артиста» былъ здѣсь, уже съ углемъ и мѣломъ въ рукахъ, и принималъ Ольриджа сурово и укоризненно. И въ сознаніи вины Ольриджъ покорно садился на назначенное ему мѣсто въ предуказанной Шевченко позѣ, и тогда на нѣкоторое время водворилось молчаніе... Не на долгое.

Ольриджу, очевидно, непереносно было смиренное сидѣніе, сосредоточенное глядѣніе,—онъ начиналъ мѣнять позы, дѣлалъ гримасы тоже его прятельницѣ, четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ, а Тарасъ Григорьевичъ Шевченко сердился и ругался. «Ось, бісова дітина!»—А потомъ Ольриджъ и вовсе не могъ выносить смирности и неподвижности, и начиналъ нѣтъ печальныя нѣсни негритянской неволи, а потомъ всакивалъ съ своего мѣста и начиналъ плясать буйныя негритянскія пляски и представлять сцены. Тогда Шевченко оставлялъ свое рисование и нѣлъ печальныя думы о малороссійской неволѣ, и случалось, плясали они оба,—одинъ—негритянскій танецъ, а другой малороссійскаго гопака.

И цѣловались и обнимались они, и смѣялись и плакали...

И потомъ начинались долгіе, тихіе разговоры, при посредствѣ четырнадцатилѣтней дѣвочки, объ ихъ прошлой долѣ, объ ихъ общей долѣ.

Одинъ рассказывалъ о своей негритянской долѣ, какую горькую муку униженій, за то только, что онъ не бѣлѣй, вынесъ онъ, пока выбился на свѣтъ; а другой рассказывалъ о своей русской долѣ, какъ онъ былъ крѣпостнымъ рабомъ не у чужихъ людей, а у своихъ же русскихъ, какъ били его чубукомъ, за то, что онъ не могъ не рисовать, какъ сослали его рядовымъ въ батальонъ, какъ мучили его, какъ истерзали его сердце, размяли, раздавили его всего.

Они очень любили другъ друга. Такъ встрѣчались Ольриджъ и Шевченко.

С. Е л н а т ь е в с к і й.